

Деревня, в которой жила семья Гуань, называлась Гуаньцзя, так как большинство её жителей носило фамилию Гуань. Подобные названия встречались часто: Лицзя, Янцзя и другие.

Чжао Шэнгу, боясь, что холодная вода навредит Гуань Юаню, решил поштукатурить печь и нагреть воды для умывания. Гуань Юань, держась за край одежды Чжао Шэнгу, следовал за ним как маленький хвостик. Он не мог иначе: проснувшись, он начинал тревожиться, если хоть на мгновение терял Чжао Шэнгу из виду.

В этот момент из главной комнаты вышла, зевая, тётя Гуань Маньюэ. Она жила по соседству с комнатой Гуань Хэ и Ян Сюцуй, и её комната была самой большой и удобной после их.

— Эрва, нагрей воды и принеси мне в главную комнату, — сказала она тоном, которым обычно приказывают слугам.

Услышав этот повелительный тон, Гуань Юань вспыхнул от гнева. Он косо посмотрел на неё и ответил:

— Сама не можешь?

Гуань Маньюэ, всё ещё зевая, забыла опустить руку и замерла, глядя на него с недоверием. Этот обычно робкий и застенчивый неудачник, который всегда прятался за спиной Чжао Шэнгу, посмел так с ней заговорить! Обычно, если Чжао Шэнгу не было рядом, другие дети в семье его травили, и он только плакал. Сегодня он, что, проглотил смелости?

Очнувшись от замешательства, она тут же закричала:

— Ты маленький неудачник, как ты смеешь так со мной разговаривать! Верить или нет, я тебя сейчас отлуплю!

С этими словами она потянулась к Гуань Юаню, но Чжао Шэнгу, действуя молниеносно, оттолкнул его за спину и встал перед Гуань Маньюэ, расставив ноги широко.

— Что ты хочешь сделать?

Гуань Маньюэ, увидев свирепое лицо Чжао Шэнгу, не решилась ударить. Честно говоря, она побаивалась этого дармоеда. В свои одиннадцать лет Чжао Шэнгу был крупнее и крепче многих четырнадцатилетних парней. Он был высок и широк в кости, и после первых лет жизни в семье Гуань никто не мог его обидеть.

— Что «что»? Разве племянник не может принести тётё горячей воды? Ты и так ешь за наш счёт, так что прислуживать мне — твоя прямая обязанность! — Гуань Маньюэ чувствовала себя правой и самодовольно улыбалась.

Гуань Юань выглянул из-за спины Чжао Шэнгу:

— Мой брат не живёт за ваш счёт! Дедушка Чжао оставил столько денег, а одежда на тебе сшита на его деньги. Это ты нахлебница!

Чтобы окончательно взбесить тётю, он ещё и презрительно посмотрел на неё.

Гуань Маньюэ побагровела от ярости:

— Ах ты, предатель! Ты даже не различаешь, кто свои, а кто чужие, дурачок!

Гуань Юань ответил:

— Свои — это те, кто ко мне хорошо относится!

Чжао Шэнгу с улыбкой погладил Гуань Юаня. Ему нравился такой живой и бойкий мальчик.

Гуань Маньюэ, теряя контроль над собой, выпалила:

— Как останешься дома один, я тебя прикончу!

Чжао Шэнгу, услышав это, мгновенно посуровел:

— Кого ты хочешь прикончить?

Гуань Маньюэ, глядя на крупного телосложением Чжао Шэнгу, не решилась напасть и вдруг разразилась плачем.

— Мама, выходи скорее! Меня обижают этот дармоед!

Ян Сюцуй, услышав плач дочери, заковыляла на своих маленьких ножках и выбежала из комнаты. Увидев Чжао Шэнгу, она снова начала ругаться, заполняя двор своими пронзительными криками. Она обвиняла Чжао Шэнгу в том, что он обидел тётю, что семья Гуань его кормит, а он неблагодарный, и прочее в том же духе.

Пока Ян Сюцуй ругалась, Чжао Шэнгу закрыл уши Гуань Юаня ладонями, чтобы тот не слышал эту грязь.

Когда она наконец выдохлась, он произнёс:

— Бабушка, тётя сказала, чтобы я нагрел воды и нёс ей в комнату. У меня есть совесть, и я не хочу портить себе репутацию. К тому же, какая девушка в шестнадцать-семнадцать лет спит до тех пор, пока солнце не станет высоко? Если вы считаете, что я обидел тётю, давайте найдём место, где нам рассудят, и посмотрим, что люди скажут — обо мне или о тёте.

Ян Сюцуй снова покраснела от злости.

Ян Сюцуй и Гуань Маньюэ молча смотрели, как Чжао Шэнгу и Гуань Юань направились на кухню.

Гуань Маньюэ была возмущена:

— Мама, почему ты не заступаешься за меня? Ты позволяешь чужаку обижать свою дочь!

Ян Сюцуй от злости шлёпнула её:

— Ты меня сейчас в могилу сведёшь! Такая взрослая девушка, и позволяет парню заходить к себе в комнату! Если это разойдётся по деревне, о какой репутации может идти речь? И ещё ты велела ему приносить тебе воду. Узнают люди — все скажут, что ты лентяйка, и ты тогда замуж не выйдешь!

Гуань Маньюэ пробурчала:

— Какая разница? Я всё равно не выйду замуж за каких-нибудь крестьян. Сестра же сказала, что найдёт мне кого-нибудь в городе.

Ян Сюцуй, страдая от того, что дочь ничего не понимает, сказала:

— Если найдут в городе, разве хорошая репутация не нужна?

Гуань Маньюэ, раздражённая, ответила:

— Ладно, ладно, ты вечно меня ругаешь. А этого дармоеда, который меня так обидел, выгонишь!

Ян Сюцуй огляделась по сторонам и, убедившись, что рядом никого нет, прошептала:

— Ты думаешь, я не хочу? Но тогда тот покойник, старый Чжао, при всех жителях деревни отдал нам больше десяти тысяч юаней, а твой отец поклялся, что будет ухаживать за ним как за родным внуком. Мы тогда получили выгодную сделку, и в деревне многие завидовали. Если мы сейчас выгоним его, люди со злобой будут говорить гадости за нашей спиной, и нас затопчут в грязь. К тому же, парень этот в последние годы стал совсем опасным. Если мы его доведём и он вдруг потребует свои деньги назад, что мы будем делать? Тогда ты не только в новой одежде не ходишь, но и в лохмотьях будешь.

Гуань Маньюэ неохотно согласилась и пошла вслед за матерью в дом.

На кухне

Чжао Шэнгу нагрел воду, попробовал рукой температуру, чтобы убедиться, что она не обожжёт Гуань Юаня, и затем аккуратно начал умывать его полотенцем.

Гуань Юань поднял голову и спокойно чувствовал прикосновения Чжао Шэнгу.

— Горячо? — спросил Чжао Шэнгу, продолжая умывать его.

Гуань Юань покачал головой и, с румянцем на щеках, сказал:

— Не горячо, очень приятно!

Чжао Шэнгу рассмеялся:

— Дурачок, что приятного в умывании?

— Потому что это ты меня умываешь, — с экзотичным видом ответил Гуань Юань. Чжао Шэнгу, видя его странное выражение лица, рассмеялся ещё громче.

Ян Сюцуй и Гуань Маньюэ домашней работой не занимались и в поле не ходили. Ближе к полудню третья невестка, Чжао Сюлянь, поспешно вернулась, чтобы приготовить еду.

Когда люди с поля вернулись, еда на столе у семьи Гуань была уже готова. Дети, игравшие на улице, словно почуяв запах еды, как один вернулись домой.

На столе стояло всего два блюда: острая капуста и суп из редьки. Основное блюдо находилось перед Ян Сюцуй — большой таз с кашей из грубого зерна и по одному лепёшке из отрубей и кукурузной муки на каждого. Эти лепёшки были такими грубыми, что царапали горло.

Еду в семье Гуань раздавала Ян Сюцуй, и в этот момент она была похожа на королеву в своём королевстве, а её простой половник — на скипетр.

Сначала она насыпала полную миску густой каши главе семьи Гуань Хэ, затем себе и Гуань Маньюэ — порции были немалые. Затем она насыпала трём своим сыновьям.

Старший сын Гуань Маньцан, отец Гуань Юаня, второй сын Гуань Маньку, который работал учетчиком в бригаде, и третий сын Гуань Маньбу. Порции сыновей тоже были полными, а у Гуань Маньку каша даже возвышалась горкой над краями миски.

Гуань Юань с удивлением наблюдал, как точно Ян Сюцуй рассчитывает порции каждый раз.

Затем очередь дошла до внуков.

У Гуань Маньцана, кроме Гуань Юаня, был ещё один сын, Гуань Юй, которому два года.

У Гуань Маньку старший Гуань Таймин и второй Гуань Тайсин были мальчиками, им двенадцать и восемь лет соответственно, а также была дочь Гуань Тайцзюй, пяти лет.

У Гуань Маньбу старшая была девочка, звали Гуань Таймэй, семь лет, а младший сын Гуань Тайди тоже был четырёхлетним, всего на несколько месяцев младше Гуань Юаня.

Ян Сюцуй раздала кашу всем по очереди, но когда дошла очередь до Гуань Юаня и Чжао Шэнгу, она сделала вид, что их не замечает, и начала насыпать кашу трём невесткам: Ян Фэйфан, второй невестке Ли Юэчжи и третьей невестке Чжао Сюлянь, а затем двум внукам.

Ян Фэйфан, видя, что Ян Сюцуй не насыпала кашу Гуань Юаню и Чжао Шэнгу, едва заметно скривила губы в улыбке. Остальные члены семьи Гуань вели себя так, словно ничего не замечали, и продолжали жадно есть.

Только Гуань Хэ, видя, что Ян Сюцуй перегибает палку, не выдержал и сказал:

— Почему ты не насыпала кашу Эрве и Сыва?

Ян Сюцуй уже ждала момента, чтобы выплеснуть злость, и слова Гуань Хэ стали для неё искрой. Она тут же начала орать, обильно поливая всех слюной.

Гуань Таймэй, сидевшая рядом с Гуань Маньюэ, поспешно отодвинула блюда подальше от Ян Сюцуй, боясь, что брызги слюны попадут в еду.

<http://bllate.org/book/16465/1494629>